

УДК 821. 161. 1. 09(19)

РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ Б. ПАСТЕРНАКА

© А. Р. Зайцева

*Башкирский государственный университет**Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 273 67 26.**E-mail: irlxx@yandex.ru*

Статья посвящена актуальной проблеме творчества Б. Пастернака, не получившей в науке самостоятельного рассмотрения – проблеме историзма. В центре внимания автора стали мировоззренческие и художественные искания поэта, связанные с его христианским пониманием истории как части всечеловеческой истории и месте художника в ней. В статье показано противопоставление двух концепций истории Б. Пастернака: социально-политической и всехристианской. Доказывается, что свойственный поэту религиозно-этический историзм снимает с него многочисленные обвинения в его оторванности от судьбы страны и народа, в его антипатриотизме и антинародности. В христианской понимании времени и участия в нем человека проявился онтологический оптимизм поэта, его философия искусства.

Ключевые слова: философия истории, мировоззрение, пантеизм, христианское сознание, онтология, образ, тема, мотив, Гамлет, Христос, лирический герой, лирический сюжет.

Известно, что главным обвинением в адрес Б. Пастернака на протяжении всего его творчества были антиисторизм и антинародность. Его называли «равнодушным наблюдателем», «очернителем истории и народа», у которого «нет чувства советского гражданина и патриота» [1, с. 48, 57]. В дни разгрома романа «Доктор Живаго» о нем был вынесен общий вердикт: «Нет поэта более далекого от народа, чем Б. Пастернак» [1, с. 54]. Однако творчество поэта глубоко исторично. Хотя «Пастернак никогда не писал о связи своей поэзии с задачами и целями революции» [2, 14], его «нельзя понять вне его времени, вне революций и войн» [3, т. 1, с. 32]. Певец природы, пантеист Б. Пастернак был уверен, что «человек живет не в природе, а в истории» [3, т. 3, с. 14], «он герой постановки, которая называется „история“ или „историческое существование“» [3, т. 4, с. 671]. Известная строчка о художнике «ты – вечности заложник у времени в плену» выражала творческую программу поэта, который неизменно утверждал связь своей поэзии с временем: «Поэзия моего понимания протекает в истории и в сотрудничестве с действительной жизнью» [3, т. 5, с. 105]. Собственно, за свою философию истории он поплатился жизнью.

Историзм в творчестве Б. Пастернака, обусловленный сложными отношениями поэта с эпохой и властью, претерпел существенную эволюцию. В 1920-е гг. он пережил этап социально-пантеистического историзма. Поэт воспринял революцию как «очистительную бурю» истории, как природную данность, естественную и неуправляемую: «История... наподобие растительного царства... вечно растущая, вечно меняющаяся, неуследимая в своих превращениях жизнь общества, история» [3, т. 3, с. 183]. Аналогия стихии революции и природы определяет образный строй Пастернака, выражающий не конкретно-исторические события, а духовную «атмосферу бытия», «вкус времени», переданные в запахах, в ощущениях, в грохочущих аллитерациях. Его революционная гроза «Пахнет волей, мокрою картошкой. / Пахнет почвой, норками кротов. / Пахнет штормом» («Лейтенант Шмидт»); «История, нерубленую

пущей иных дерев встаешь передо мной» («История»). Б. Пастернак, как и его Живаго, видел в революции правоту исторического возмездия, «великолепную хирургию», «чудо истории, откровение», способные преобразить и исцелить мир. Она сродни взрыву эпохи, равному смене времен года и суток: «В нашу прозу с ее безобразьем / С октября забредает зима»; «В неземной новизне этих суток, / Революция, вся ты, как есть» («905 год»).

Мечтая о «фамильной близости с историей», Б. Пастернак искренне хотел вжиться в историю и не смог. Его «роковые разногласия с временем» и трагические прозрения наступили уже в 1918 году, когда поэт ужаснулся «вакханалии» зла и насилия. В стихотворении «Русская революция» возникает образ гибнущей в крови России: «Здесь Русь, да будет стерта!»; здесь «плещется людская кровь, мозги и пьяный флотский блев», «и взвод курков мерещится стране», где обесценена человеческая жизнь: «Лей рельсы из людей», «дыми, дави... дави, стесненная брось!». Новая Россия для Пастернака-христианина – это богооставленная земля: «Где Ты? На чьи небеса пришел Ты? / Здесь, над русскими, Тебя нет» («Боже, Ты создал быстрой касатку»); «А что если бог – сорвавшийся кистень, / А был – изломанной души повязка» («Ремесло»). Уже ранний Пастернак видит, что современная история – это не только прекрасный природный хаос, но время «чада и угара невежественности и нахальства», «дурные дни» кровавых расправ, «ночь Варфоломеева». В стихотворении «Разрыв» 1918 г. видение истории предельно трагично: «А в наши дни и воздух пахнет смертью: / Открыть окно, что жилы отворить». Это ощущение безысходности, исторического тупика будет усиливаться год от года: «...и поняли мы, / Что мы на пиру в вековом прототипе – / На пире Платона во время чумы» («Лето»). В переключке с древним и пушкинским «прототипами» прочитывается трагическая сущность настоящего. После арестов и гибели друзей-поэтов, после охлаждения слепой веры в Сталина как воплощение справедливости, после запрещения книг поэта в библиотеках его восторженное приятие революционной эпохи заканчивается «отпадением от истории» – «фальшивой, риторической», «голой, хамской, проклинаемой и стонов достойной» [3, т. 5, с. 436]. Б.Пастернак писал о своем стремительном расхождении с временем: «Все сломилось во мне, и единение с временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал» [4, с. 320]. И поэт открыто отворачивается от кровавой истории: «Сарказм на Маркса. О, тупицы! / Явитесь в чем своем. / Блесните! Дайте нам упиться! / Чем? Кровью? – Мы не пьем» («Сарказм на Маркса»). Обращаясь к современности в лице «стрелка-охотника-призрака», под которым угадывается фигура Сталина, Б.Пастернак, по сути, бросает вызов эпохе: «Рослый стрелок, осторожный охотник, призрак с ружьем... Целься, все кончено! Бей меня влет!». Поэт предвидел исход противостояния времени, но его выбор был сознательным и бесповоротным: «Назад не повернуть оглобли, / Хотя б и затаясь в подвал» («Художник»).

Мировоззренческий слом, который произошел в 1930-е гг., углубление христианского сознания Б. Пастернака обернулись сменой пантеистического историзма **религиозно-этической философией истории**. В «книге жизни» «Доктор Живаго» и в поздних стихах поэта противостоят две истории: социально-политическая, названная в романе «кровавой колошматиной и человекоубоиной», и та, что пошла от Христа, всечеловеческая история. Для зрелого художника современность есть не что иное, как «из библии исполненный фрагмент». Его лирический герой приобщен к истории не идеологически, а всей своей жизнью: «растительной», «частной» и свободной. Эта жизнь оглядывается не на «объектив», как поэт называл социальные веления века, а только на «записную книгу человечества», так он назвал Библию [5, с. 91]. В поэзии 1920–1950-х гг. Б. Пастернак сверяет современную историю с

праисторией, с судьбой и делом Христа и велением Бога-отца: *«Народ, как дом без кров, / Он, как свое изделие, / Кладет под долото»*. Уже в поэме «Лейтенант Шмидт» (1927) жертвенному выбору русского дворянина, офицера Шмидта, который, не разделяя политических целей восставших матросов, возглавил бунт, Б. Пастернак придает всечеловеческий, библейский смысл: *«Я жил и отдал душу за други своя»*. Герой поэмы не творит историю, он делает в ней выбор, определяемый лишь совестью и человеческим долгом. Мысль о том, что жизнь человека в истории есть прежде всего жизнь духа, нравственный выбор, будет крепнуть в сознании поэта и определит его христианскую философию истории в зрелом творчестве.

Религиозно-этический историзм как сотрудничество человека, Бога и времени наиболее полно проявился в поэтическом цикле Живаго и открывающем его стихотворении *«Гамлет»*. Оно было итогом обращения Пастернака к переводам Шекспира и особенно к его одноименной трагедии. Работа над переводом *«Гамлета»* была актом самоопределения и сопротивления Б. Пастернака времени, его личным решением «быть» и погибнуть. Шекспировский *«Гамлет»* был поиском ответов на вопросы своего трагического века, охваченного, как и Датское королевство, «общим гниением». Б. Пастернак ясно видел аналогию времен: сейчас, как и во времена метаний принца-правдоискателя, «век расшатался», «распалась связь времен». *«Сумрак ночи», «наставленный»* на героя, пытающегося понять, *«что случится на моем веку»*, – это «ночная пора истории» (Н. Бердяев), где *«все тонет в фарисействе»*. В лирическом сюжете, пронизанном евангельскими и шекспировскими проекциями, возникает единое время – экзистенциальное и историческое, в котором происходит трагическое самоопределение триединого героя: художника-Христа-Гамлета. В подтексте образной аналогии поэт видит родство миссии, жертвенность пути Гамлета, Христа, художника. Главная тема стихотворения – тема трагизма нравственного выбора, обретения свободы универсального героя через колебания выражена в мотиве Гефсиманского моления Христа о чаше: *«Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси»*. Поэт буквально цитирует библейский пратекст: *«Авва Отче! Все возможно Тебе. Пронеси чашу сию мимо меня; но не чего я хочу, чего Ты»* (Ев. От Марка, гл. 14, ст. 36). Лирический герой Пастернака, как некогда Христос и Гамлет, охвачен страданием духа и отчаянным сомнением: *«Я люблю твой замысел упрямы / И играть согласен эту роль. / Но сейчас идет другая драма, / И на этот раз меня уволь»*. Как видим, в стихотворении сливаются мотивы колебаний Христа и Гамлета. Гамлетовское «быть или не быть» проецируется на всехристианскую коллизию и современность. При этом Пастернак делает упор и обыгрывает именно вторую часть Христова моления, его отречение от права собственного выбора и принятие воли Отца: *«Но не чего я хочу, чего Ты»*. Герой Пастернака также добровольно принимает высшее предопределение: Божий *«замысел упрямый», «играть согласен эту роль»*. В этом трагическом самоопределении Б. Пастернак видел и драму Гамлета: *«„Гамлет” – драма долга и самоотречения <...> Гамлет отказывается от себя, чтобы творить волю пославшего его»* [5, с. 179]. Трагедия героя Шекспира заключалась в призывании восстановить опрокинутую истину, «распавшуюся связь времен», собой заполнить разрыв: *«Век расшатался, и скверней всего, / Что я рожден восстановить его»*. В этом, по Б. Пастернаку, состоит миссия и Христа, и поэта: жизнью своей восстановить попорченный миропорядок. Этот путь гибелен, Богом заповедан, *«неотвратим»*: *«Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути»*. Но герой, соглашаясь *«играть роль»*, отведенную ему Отцом во всечеловеческой драме истории, не желает участвовать в *«другой»* исторической *«драме»* – современной, социальной: *«Но сейчас идет другая драма / И на этот раз меня уволь»*.

Таким образом, христианский историзм зрелого Б. Пастернака неразрывно связан с главной темой его творчества: темой судьбы поэта. Мысль о том, что путь художника в истории – это Христов путь, добровольное мученичество за истину, идея мессианской богоизбранности поэта определяют пастернаковское «чувство истории» и его понимание судьбы художника как «смертного дела». «Эсхатология творчества» (Н. Бердяев) Б. Пастернака связана с темой гибели художника и с трагическим образом поэзии-крови: «...строчки с кровью убивают, нахлынут горлом и убьют»; когда творчество «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез» («О, знал бы я»).

История в поздней лирике поэта – это «территория совести», требующая однозначного внутреннего выбора. Лирический герой позднего Пастернака – уже не «праздник созерцатель», как это было в ранний, пантеистический период его творчества, а «участник драмы жизни», жертвенно приобщенный к истории и судьбе народа своим предназначением поэта и гражданина. Обращаясь к веку, он пишет: «Я – не ваш. / Я беспечной черни беззаботный и смелый брат». Так трагическая тема «распада», «разрыва» времен и поколений, свойственная многим стихам поэта 1920-х гг., сменяется темой родства, единения судьбы героя-художника с судьбой народа: «Я льнул когда-то к беднякам / Не из возвышенного взгляда, / А потому, что только там / Шла жизнь без помпы и парада <...> / И я старался дружбу свести / С людьми из трудового званья, / За что и делали мне честь, / Меня считая тоже рванью» («Перемена»). В поздних стихах поэта проявились отличавшие его высокий дворянский демократизм и тяга к низовой, народной России: «Люди! Люди! Там я преклоняю колени» («Посвящение»). Спутниками и собратьями поэта становятся «бабы, слобожане, учащиеся, слесаря»: «В них не было следов холопства, / Которые кладет нужда. / И новости и неудобства / Они несли, как господа» («На ранних поездах»).

Таким образом, религиозно-этический историзм Б. Пастернака проявился не в поэтизации социально значимых событий и лиц, не в писании исторически злободневных вещей, в чем он обвинял В. Маяковского и что стало одной из причин их разрыва. Его историзм сводился к **социальному антиисторизму**: к мужеству личного **неучастия** в творении несправедливой политической истории и нравственного **соучастия** в гибельной судьбе народа, в «сораспинании» с ним (А. Блок), в «равенстве в страдании» (А. Платонов): «Я чувствую за них за всех, / Как будто побывал в их шкуре» («Рассвет»). Так сбылась мечта поэта о «фамильной близости с историей»: «всей кровью – в народе», «всей слабостью клянусь остаться в вас». В его стихах слова «история» и «страдание» становятся сквозными и нераздельными в своей сути, и поэт часто пишет о своей «готовности разделить человеческие страдания» [5, с. 490], лечь со всеми «в погостный перегон», «чтоб тайная струя страданья согрела холод бытия» («Земля»). Современность, которая в поэме «Лейтенант Шмидт» «пахла волей» и «штормом», теперь «пахнет пылью трупною мертвецких и гробниц» и входит в жизнь героя трагедией «замученных» жертв. И эта трагедия становится «личным сердечным событием автора»: «Душа моя, печальница / О всех в кругу моем, / Ты стала усыпальницей / Замученных живьем. / Тела их бальзамируя, / Им посвящая стих, / Рыдающею лирою / Оплакиваешь их. / Ты в наше время шкурное / За совесть и за страх / Стоишь могильной урною, / Покоящей их прах». О главной задаче художника искать историю и народ только в своем сердце Б. Пастернак писал поэту и другу Т. Табидзе: «Забирайте глубже земляным буравом без страха и пощады, но в себя, в себя. И если Вы там не найдете народа, земли и неба, то бросьте поиски, тогда негде и искать» [3, т. 5, с. 358].

Поздние стихи поэта (*«На страстной», «Дурные дни», «О, знал бы я», «Гефсиманский сад» и др.*) пронизаны метатемой добровольного самопожертвования, самосожжения героя «во имя переделки мира»: *«Жить и сгорать у всех в обычае, / Но жизнь тогда лишь обессмертишь, / Когда ей к свету и величию / Свою жертвой путь прочертишь» («Сапер»)*. Религиозный историзм Б.Пастернака связан с христианской темой искупительной смерти и бессмертия. Деля с народом и страной их гибельную участь, герой обретает бессмертие, воскресает в веках. Эта мысль венчает цикл Живаго и весь роман-завещание: *«Ты видишь, ход веков подобен притче / И может загореться на ходу. / Во имя страшного его величия / Я в добровольных муках в гроб сойду / <...> / И в третий день восстану. / И как сплавляют по реке плоты, / Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты» («Гефсиманский сад»)*. Показательна смена художественного пространства в поздней лирике поэта, где местом «действия» становится не «жизнь-сад», омытый дождем и «световым ливнем» (М.Цветаева), как в раннем периоде творчества, а «Вифания», «Ерусалим» и «Гефсиманский сад» - место испытания духа, последнего выбора судьбы. В стихотворении «Гефсиманский сад» очевидны переключки со стихотворением «Гамлет» и соотнесенность судьбы Христа и поэта. Вновь через моление-сомнение (*«Чтоб чаша смерти миновала, / В поту кровавом он молил Отца»*) герой принимает судьбу-предназначение: *«Сейчас должно написанное сбыться, / Пускай же сбудется оно. Аминь»*. В «Докторе Живаго», где, по словам автора, воссоздан «исторический образ России за последнее сорокапятилетие» [6, с. 224], устами философа Веденяпина озвучена суть религиозного историзма Пастернака: «Что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению... человек умирает... у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти» [3, т. 3, с. 14]. Так в творчестве Б. Пастернака выстраивается онтологическая триада: история-смерть-бессмертие. В христианской философии Б.Пастернака история есть естественное, каждодневное житие, совместное творчество человека, Бога, природы, устремленное к бессмертию. Смысл этой исторической жизни – в «любви к ближнему, в жизни как жертве» [3, т. 3, с. 14]. В любви человек добровольно, жертвенно «растворяется» в другом, прорастает в нем и остается навечно: *«Жизнь ведь тоже только миг, / Только растворенье / Нас самих во всех других, / Как бы им в даренье»*. По Б. Пастернаку, история движется не через «потрясения и перевороты», войны и распри: *«Спор нельзя решать железом, / Вложи свой меч на место, человек» («Гефсиманский сад»)*, а путем естественного самообновления жизни и нравственного развития: *«Не потрясения и перевороты / Для новой жизни очищают путь, / А откровенья, бури и щедроты / Души воспламененной чьей-нибудь» («После грозы»)*. В жизни как «участии в истории человеческого существования» заключаются свобода и «счастье существования каждой умирающей личности» [5, с. 214], ее победа и высшее оправдание жизни: *«Со мною люди без имен, / Деревья, дети, домоседы, / Я ими всеми побежден, / И только в том моя победа» («Рассвет»)*.

Христианский историзм Б. Пастернака, связанный с евангельской темой нравственного выбора и жертвы как идеала высокого участия в истории, выражал свойственный ему онтологический оптимизм, «восторженное восприятие жизни» со всей ее радостью и трагизмом. Эта философия истории снимает с поэта многочисленные обвинения в его «антипочвенности», в оторванности от судьбы страны и народа и доказывает его христианско-пантеистическую укорененность в жизни. Б. Пастернак – поэт-почвенник, в его стихах и ро-

мане «дышат почва и судьба». Именно эту грань таланта поэта имела в виду А. Ахматова, когда писала о нем: «И вся земля была ему наследством, / И он его со всеми разделил».

Жертвенность и страдание как единственный способ участия в истории были не только поэтической формулой Б. Пастернака, но сутью его собственной жизни. Понимание жизни и творчества как христианской гибельной стези определяло судьбу и поведение самого поэта, который, как и его герой, прошел этот путь до конца. Его стихи и роман, названный автором «книгой жизни», стали настоящей высокой жертвой и страданием, «благом гибельного шага», актом искупления. Отдавая рукопись книги итальянскому издателю, Б. Пастернак сказал: «Вы пригласили меня на собственную казнь». Так он сделал свой последний выбор, о котором он писал: «Напрасно в дни хаоса / Искать конца благого. / Одним карать и каяться, / Другим кончать Голгофой». Б. Пастернак примкнул к «другим», и сожалений о выборе не было. В дни, когда решалась его судьба и судьба романа, он писал: «Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое» [1, с. 150].

ЛИТЕРАТУРА

1. *С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака.* М., 1990. 288 с.
2. Озеров Л. *О Борисе Пастернаке.* М., 1990. 132 с.
3. *Пастернак Б. Собрание сочинений: В 5 т.* М., 1989–1992.
4. Иванова Н. *Борис Пастернак: Времена жизни.* М., 2007. 566 с.
5. *Борис Пастернак об искусстве: «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве.* М., 1990. 399 с.
6. *Переписка Бориса Пастернака.* М., 1990. 575 с.

Поступила в редакцию 10.10.2013 г.

THEOLOGICALLY-ETHIC HISTORICISM OF B. PASTERNAK**© A. R. Zaytseva***Bashkir State University**32 Zaki Validi st., 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (347) 273 67 26.**E-mail: irlxx@yandex.ru*

This article devotes the relevant problem, which wasn't examined in B. Pasternak's works- the problem of historicism. The aim of the author – ideological and artistic quests of the poet which are connected with his Christian view of history as a part of universal history and artist's place within. The article shows the opposition between two conceptions of B. Pasternak history: politico-social and all the Christian. The evolution of poet's works is fully connected with this opposition. In first post-revolutionary decade Pasternak-pantheist perceived modern history as natural and necessary he saw historic and moral probity there. Tragic events in the country in 1930s, the arrest of his friends-artists and deepening into his Christian feelings led B. Pasternak to a rupture with modern life/reality and a change of his social-pantheistic historicism with religious-ethic one. Christian philosophy of history in mature works of the poet is inseparably connected with a theme of artist's soul as it is a benefaction of his moral not social choice in history. The most part of religious-ethic historicism was embodied in cyclus of “Yuri Zhivago's poems” especially in “Hamlet” that was created on an analogy Hamlet-Christ-Artist. The persona of the poetry and the novel “Doctor Zhivago” by B. Pasternak chooses fatal way predetermined to him by his father – the Lord in universal history, and he refuses to take part in “drama” of modern history. Christian historicism of the poet ends up at social-anti-historicism when the persona doesn't participate in politico-social history and oblatinal shares fatal destiny given by Christ with a nation. Late works of B. Pasternak arise the theme about destinies unity – the artist and the nation, about equality of sufferings in a tragic century. It proofs, that theologically-ethic historicism peculiar to the poet relieves him of all the accusations because of his isolation of the destiny of his country and the folk, because of his anti-patriotism and anti-nationalism. Ontological optimism of the poet, his philosophy of art appeared in Christian point of time and human's part within.

Keywords: *philosophy of history, worldview, pantheism, the Christian consciousness, ontology, image, theme, motif, Hamlet, Christ, lyrical hero, lyrical story.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Zaytseva A. R. Theologically-ethic Historicism of B. Pasternak // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 5. Pp. 495–502.

REFERENCES

- 1 *S raznykh tochek zreniya: «Doktor Zhivago» Borisa Pasternaka [From Different Points of View: «Doctor Zhivago» by Boris Pasternak].* Moscow, **1990**. 288 pp.
- 2 Ozerov L. *O Borise Pasternake [About Boris Pasternak].* Moscow, **1990**. 132 pp.
- 3 Pasternak B. *Sobranie sochinenii [Collection of Writings]: V 5 t.* Moscow, **1989–1992**.
- 4 Ivanova N. *Boris Pasternak: Vremena zhizni [Boris Pasternak: Lifetimes].* Moscow, **2007**. 566 pp.
- 5 *Boris Pasternak ob iskusstve: «Okhrannaya gramota» i zametki o khudozhestvennom tvorchestve [Boris Pasternak about Art: "Safe Conduct" and Notes about Art].* Moscow, **1990**. 399 pp.
- 6 *Perepiska Borisa Pasternaka [Boris Pasternak Correspondence].* Moscow, **1990**. 575 pp.

Received 10.10.2013.